

КОМПОЗИТЫ С ЦВЕТОВОЙ НОМИНАЦИЕЙ В ЯЗЫКЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

*И. А. Герасименко, д-р филол. наук, доцент,
Горловский институт иностранных языков,
ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет»,
ул. Рудакова 25. г. Горловка, 84624, Донецкая обл., Украина.
E-mail: iragerasimenko@mail.ru*

Предлагаемая статья посвящена структурно-семантическим и функциональным свойствам композитов с цветовой номинацией в языке русского фольклора. Анализ материала показал, что в силу диффузности фольклорного слова композитные цветообозначения передают не только идею цвета. Данные вербальные знаки транслируют информацию, связанную с концептуализацией древнего мира и социума, отображают этническую ментальность, исторический и культурный опыт народа. Полученные результаты являются импульсом для изучения разных групп имён цвета, семантика которых осложнена фольклорной символикой и реликтовыми ритуальными представлениями.

Ключевые слова: композит, цветообозначение, семантика, структура, функционирование, лингвокультурный, язык фольклора.

С возникновением антропоцентрической парадигмы язык рассматривается как феномен, отображающий духовную активность личности, его общечеловеческие, национально-культурные и индивидуальные свойства, изучается как семиотическая система, вербализующая миропонимание и сознание человека. В этом плане народнопоэтическая речь занимает особое место. Фольклорное слово несёт тысячелетнюю память народа, играет особую роль в механизме передачи культурного опыта от поколения к поколению, не просто отображает картину мира, а выступает универсальным кодом культуры.

Немаловажную роль в экспликации фольклорной картины мира играют лексические средства выражения цвета – цветообозначения (далее – ЦО). Учёные изучают данную лексико-семантическую группу с учётом отображения в ней этнической ментальности и национально-культурной маркированности (С. И. Григорук, Л. И. Лонская, С. В. Кулинская, А. С. Выродова, Э. В. Гмызина), с позиций места и роли ЦО в народнопоэтических текстах (А. Т. Хроленко, Т. Е. Никулина, Т. А. Павлюченкова, Л. Раденкович, Л. Г. Невская, О. И. Уляшев, С. В. Супряга, А. К. Башарина, Е. В. Гулянков, И. И. Жилинская, О. А. Мещерякова, О. А. Петренко), что вызвано пониманием языка как модели культуры.

Актуальность темы определяется общей тенденцией современной лингвистики описать культурные факторы в языке и вызвана необходимостью глубокого анализа тех компонентов семантической структуры ЦО, которые фиксируют культурно значимую информацию. Наблюдения лингвистов, как правило, сконцентрированы на анализе полисемантических единицах типа *белый, чёрный, сизый, золотой*. Композитные ЦО рассматриваются спорадично, хотя их роль в трансляции информации, связанной с концептуализацией древнего мира и социума, трудно переоценить.

Цель статьи – очертить структурно-семантические и функциональные свойства композитных ЦО, используемых в народнопоэтических текстах. Исходя из обозначенной темы определены следующие **задачи**: очертить список композитных имён цвета, которые функционируют в языке русского фольклора; определить используемые в народнопоэтической речи структурно-семантические группы композитов; проанализировать лингвокультурные коннотации, отраженные в семантической структуре сложных по структуре ЦО; рассмотреть особенности функционирования композитных ЦО в фольклорных текстах.

Объектом исследования выступили композитные ЦО; **предметом** – структурные, лексико-семантические и функциональные особенности композитных цветообозначений в текстах русского фольклора в контексте их лингвокультурной значимости.

Материалом исследования выступили примеры из сборников русских частушек, былин, сказок, произведений народной прозы, поэзии и драматургии в объёме около 1950 текстовых фрагментов.

Как показывает материал исследования, в текстах русского фольклора функционирует 34 сложных слова с цветоосновами (*бело-розовый, красно-зелёный, рудожёлтый, тёмно-русый, тёмно-карий, светло-жёлтый, бледно-розовый, сер-горюч, бел-горюч, белояровый, бел-волокнист, белодубовый, белокаменный, белотканый, бел-полотняный, белошёлковый, белобархатный, крут-красён, чернобархатный, чернопашенный, белолицый, бело-круглолицый, белогубый, белоглазый, сероглазый, черноглазый, черноокий, чернобровый, краснощёкий, краснозобый, сивогривый, сизокрылый, синекрылый, сиволапый*). По составу и семантике эти композиты можно подразделить на следующие группы: лексем, состоящие из (а) двух цветооснов (*бело-розовый* и др.), (б) цветоосновы и обозначающей тон и насыщенность цвета основы (*тёмно-русый, светло-жёлтый* и др.), (в) цветоосновы и выражающей дополнительные качественные характеристики основы (*белошёлковый* и др.), (г) цветоосновы и выражающей элементы внешности и части тела основы (*черноокий* и др.). И хотя такие ЦО «являются в основной своей массе редкоупотребляемыми словами» [12, с. 123], всё же они увеличивают «возможности выражения цвета в десятки раз» [5, с. 110].

К числу народнопоэтических «двусоставных прилагательных» [5, с. 110] относятся репрезентирующие цвет (а) слова *бело-розовый, красно-зелёный, рудожёлтый*. Например: *Цветочки мои / Бело-розовые!* [29, с. 303]; *Ещё по полю, полю, / Красны девицы идут, / Винограде красно-зелено моё* [27, с. 169]; *Постланы мосты да все кирпичныи, / Сыпаны пески да рудожёлтыи* [24 (1), с. 201].

Из обозначенного перечня лексем наиболее последовательно в русской народнопоэтической речи используется ЦО *рудожёлтый* ‘красновато-жёлтый’. Данный адъектив выступает постоянным речевым актуализатором песков и связан в большинстве своих употреблений «с идеей украшения мостовых» [3, с. 11]. Включённый в рассматриваемый эпитет, компонент *руд-* восходит к существительному *руда* и передаёт (помимо ‘горная порода’) устаревшее и диалектное значение ‘кровь’ [9, с. 108]. Ср.: *Ты невестка, невестушка! / Сноха, бела наша голубушка! / Да и что у тебя во саду за рудица? / – Деверья мои, деверья! / Уж как два ясные сокола! / Белую рыбицу я чистила, / Во сад руду вылила* [27, с. 210]; *Дед рудый, баба руда!* («песня, в которой пересчитывается родня, и вся она рыжая») [9, с. 108]; *А сведите Дуная во глубоок погреб, / Задвиньте доски железныма, / И насыпьте песками рудожёлтыма* [24 (2), с. 186]. При этом прилагательное *рудожелтый*, функционирующее в 15-20 вв. как основное слово для обозначения оранжевых оттенков (см.: [13, с. 163], переносными значениями не наделено. Это и другие сложные слова (а) выражают в языке фольклора только идею цвета без дополнительных значений. В свою очередь, адъективы (б), обозначающие тон и насыщенность цвета, употребляются для детализации «оттеночного цвета» [12, с. 125]. В свето-цветовые лексем (б) включены так называемые «модификаторы» (термин А. П. Василевича [13, с. 10]) *тёмно-, светло-, бледно-*. В сочетании с ними семантика слов *тёмно-русый, тёмно-карий, светло-жёлтый, бледно-розовый* сводится «с одному значению» [12, с. 126]. Ср.: [...] *её белое, нежное лицо, чёрные брови, карие глаза, тёмно-русые волосы вились по плечам* [28 (2), с. 537]; *Собирал себе жеребчиков тёмно-кариих, / Тёмно-кариих жеребчиков, нелегченных* [27, с. 221]; [...] *едет Пугачёв верхом на светло-жёлтом коне* [22, с. 238]; *Всё ходил да обнимал / В поле пень берёзовый. / Думал, милая моя / В кофте бледно-розовой* [29, с. 607]. Как показывает материал исследования, данные ЦО используются в языке

русского фольклора для описания цвета волос, масти животных, артефактов. При этом компонент *-рус* передаёт исключительно положительную оценочность, обусловленную национально-культурным фактором. Известно, что русский – «излюбленный цвет волос» [6, с. 61], «типичный» [8, с. 140] для русского человека, поэтому слово *русый* и компонент *-рус*, наделённые «национально-культурной коннотацией» [8, с. 140], совмещают “цветовую” семантику с историческими и культурными представлениями русских о красоте, на цветообраз наслаиваются стереотипы нации.

Сложные слова, передающие дополнительные качественные характеристики (в), отмечены в языке фольклора прилагательными *сер-горюч*, *бел-горюч*, *крут-красён*, *белояровый*, *бел-волокнист*, *бел-полотняный*, *белодубовый*, *белокаменный*, *белотканый*, *белошёлковый*, *белобархатный*, *чернобархатный*, *чернопашенный*. Например: *Как пошёл Садко к Ильмень-озеру, / Садился на бел-горюч камень / И начал играть в гуселки ярочаты* [27, с. 240]; *Выходил на крут-красён бережок, / Раздёрнул бел-полотняный шатёр* [19, с. 185]; *Я посею, я посею / Лён-конопель, лён-конопель, / Тонок, долог, тонок, долог, / Бел-волокнист, бел-волокнист* [27, с. 97]; *Насыпал ему пшеницу белоярову* [19, с. 256]; *Походил он на конюшню белодубову* [19, с. 355]; *Я займу, займу палаты белокаменны, / Только я пушу в палаты белокаменны – / Опраксеюшку возьму всё Королевичну* [19, с. 150]; *Палеон он ведь шибко наступал на нашего государя и в белокаменную-то Москву уж говорят, заходил* [22, с. 261]; *Наскакало татар да много-множество, / Наметали арканы белошёлковы, / Сохватили удала добра молодца* [19, с. 258]; *Уж поставили нонче во чисто поле / Уж как бел шатёр да белобархатный* [19, с. 199]; *Да про всех-то крестьян чернопашенных* [19, с. 245]. В фольклорной традиции данные ЦО – это слова, в структуре значения которых «цветовая» семантика совмещена с «фольклорной символикой и реликтовыми ритуальными представлениями» [14, с. 6]. Так, композит с элементом *бел-*, служащий для описания окружающих лирического героя и достойных похвалы предметов, выполняет роль эпитета, точнее, эпитета-метафоры, который «предполагает параллелизм впечатлений, их сравнение и логический вывод уравнения» [6, с. 61]. При этом белый шатёр (*белотканый*, *белополотняный*) считается «идеализированным местом пребывания влюблённых и брачующихся» [16, с. 78], выступает жилищем лирического героя. Ср.: [...] *просит у царя собрать ему [...] тринадцать белотканых шатров с золотыми узорами* [28 (2), с. 214]; *Сидят молодцы в белом шатре, / Во белом шатре белополотняном* [19, с. 142]. В свою очередь, образ белого камня (*бел-горюч камень*) принадлежит к «символическому топосу русского фольклора как знаку жизненного выбора» [16, с. 78], в нём отражены «значения ‘волшебный’, ‘чудесный’, ‘загадочный’ и ‘святой’, ‘священный’» [2, с. 90–91]. Например: *На море, на окяне, на острове на буяне лежит бел-горюч камень алатырь* [26, с. 126]; *Кто бел-горюч камень алатырь изложет, тот мой заговор переможет* [26, с. 407]. По сути, данные эпитетосочетания с компонентом *-бел* (в) несут положительное начало, в них «понятие света как чего-то желанного обобщилось» [6, с. 67], смыслы ‘красивый’, ‘почётный’, ‘праздничный’ стали доминирующими. Показательно, что некоторые из указанных выражений противопоставляются словосочетаниям с компонентом *чёрн-*. Например: *Приезжат тогда он во чёрной шатёр, / Во чёрной шатёр да чернобархатный* [19, с. 193], где образ чернобархатного шатра связан с идеей чего-то чужого и враждебного. Данное противопоставление восходит к известной архетипической диаде *белый – чёрный* «как универсальному символу культуры» [10, с. 424].

Как видим, указанные адъективы (в), присутствуя в разнообразных контекстах устного народного творчества, наделены диффузной семантикой, позволяющей создать определённый поэтический образ. Поэтому они осмысливаются в качестве типичных для языка фольклора лексем с символическим и оценочным содержанием, которые «обозначают не только (а часто даже и не столько) цвет определяемого

объекта, но и выражают другие значения, включающие оценку» [16, с. 63–65].

В языке русского фольклора функционируют композиты, актуализирующие цвет элементов внешности и определённой части тела (г). К данной группе относятся адъективы (в том числе и субстантивированные) *белолицый, бело-круглолицый, белогубый, белоглазый, сероглазый, черноокий, черноглазый, чернобровый, краснощёкий, краснозобый, сизокрылый, синекрылый, сивогривый, сиволапый* и близкие им соответствия. Ср. аллегорическую и буквальную семантику данных ЦО: *Круглолица, белолица, во все зеркала глядится* (месяц) [21, с. 380]; *А поедем мы за има теперь с угоною, / А й чтобы коралевская как **щеньдь** да **белогубая** / А чтобы ёна могла да намы фастати* [24 (1), с. 664]; [...] *есть ровное небольшое место, которое и теперь называется Белоглазово, потому что здесь жила **белоглазая чудь*** [20, с. 41]; *Кума, спроси у **сероглазого**, / Меня жалеет ли* [27, с. 136]; *Я ль виноват, что тебя, **черноокою**, / Больше, чем душу люблю* [23, с. 83]; **Чернобровый, черноглазый** / У меня **милёночек** [27, с. 132]; [...] **парень** белый, кудрявый, **краснощёкий**, здоровенный, на лбу хошь онучи суши – высохнут [22, с. 328]; *Синички-сестрички, тётки-чечётки, / **Краснозобые** снегириюшки, / Щеглята-молодцы, воры-воробы!* [27, с. 174]; *Нечистый дух ударился о сырую землю и обернулся **сизокрылым орлом** [...] [28 (1), с. 480]; Вы подайте мне **коня** резвого **сивогривого**, / Оседлайте его вы седелищем черкасским [25, с. 250]; Царь призвал этого солдата: «Ты как, – говорит, – смел моих лучших **генералов сиволапыми** обозвать?!» [28 (2), с. 480]. В структуре значения выделенных сложных слов содержится оценочный (позитивный или негативный) компонент, отображающий народное мировосприятие окружающих человека реалий (ср.: *бело-круглолицый* ‘красивый’, *сиволапый* ‘неуклюжий’, *белоглазый* ‘необычный’). Так, в композитах *белолицый, бело-круглолицый, черноглазый, чернобровый, черноокий* вербализован народнопоэтический идеал красоты, совмещены лингвокультурные смыслы ‘красивый’, ‘сильный’, ‘здоровый’. При этом элемент *бел-* в большей мере «характеризует красоту, а не цвет» [11, с. 9], «служит символом любви и молодости» [16, с. 78]. Как замечает А. Н. Веселовский, «все предметы, достойные похвалы, чести, уважения, любви, – белые» [7, с. 67]. Ср.: *Ни малая, ни великая, / **Личиком, личиком** / **Бело-круглолика*** [27, с. 151]. В свою очередь, *чёрн-* используется для вербализации красоты положительного героя, его избранности и позитивной отмеченности. Например: *Суровая была, а красивая: **сдобная, чернобровая, черноглазая*** [22, с. 423]; *Я ль виноват, что тебя, **чёрноокою**, / Больше, чем душу люблю, люблю* [23, с. 83]. Однако чёрные глаза и брови, выступая этническим признаком, характеризуют в русской культуре не только внешность положительного персонажа, но и «иногое» человека, понимаются как ‘злостные’, ‘коварные’, ‘опасные’ (в отличие, например, от абхазской культуры, где чёрный цвет волос и глаз несут положительную оценочность и служат «приёмами идеализации» [1, с. 11]). Ср.: *Ростом он [сосед. – И. Г.] был **высокий**, в плечах – **косая сажень**, **волосом чёрен**, а **глаза** такие большие да **чёрные**, **крещёному** **смотреть** в них страшно* [20, с. 193]; *Берут они **Идолица** за **черны кудри**, / За **чёрные кудри** за **татарские*** [19, с. 401]; *Разъярился **собака-татарин**, **рвал** свои **чёрные кудри**, **метал** их **наземь** [...] [22, с. 59]; *Обвернулся тут Дунай сын **Иванович**, / Ударил **короля-то он по чёрну лицу**, – / Упал тут **король** о **кирпичен пол*** [24 (1), с. 331]. В данных примерах слово *чёрный*, определяя существительные *глаза, кудри, лицо*, заключает «символическое значение ‘вражеский’» [2, с. 116]. Эти примеры являются иллюстрацией того, что в народнопоэтической речи зафиксирована историко-культурная языковая традиция использовать ЦО *чёрный* и его основу для передачи не только положительной, но и отрицательной оценки человека с неестественной внешностью (*чёрный* – ‘опасный’).**

Необходимо отметить, что в силу диффузности фольклорного слова семантика рассматриваемых композитов не всегда может быть однозначно интерпретирована. В этом плане мы согласны с М. А. Бобуновой, которая считает, что «такие компоненты фольклорного слова, как парадигматичность, оценочность, иерархичность и

семиотичность, определяют семантическую широту опорных слов устно-поэтического текста, из-за чего практически невозможно предельно точно и объективно истолковать смысл фольклорных наименований» [4, с. 19]. Тем не менее, очевидным остаётся тот факт, что композитные ЦО народнопоэтической речи, как правило, осложнены «фольклорной символикой и реликтовыми ритуальными представлениями» [15, с. 29], им присуща смысловая «неодноплановость, многозначность на уровне синтагматики» [17, с. 54], за счёт которой создаётся эмоциональная насыщенность и выразительность изображаемого. Это относится не только к сложным по структуре ЦО. Данной особенностью обладают и другие имена цвета, структурно-семантические особенности которых выступают предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

COMPOSITES WITH COLOUR NOMINATION IN THE RUSSIAN FOLKLORE LANGUAGE

I. Gerasimenko,
Horlivka Institute of Foreign Languages,
Donbas State Pedagogical University,
25 Rudakova St., Horlivka, Donetsk region, 84624, Ukraine.
E-mail: iragerasimenko@mail.ru

The article is devoted to structural-semantic and functional features of composite words with colour nomination in the Russian folklore language. The analysis of the research material proves that composite colour terms reveal not only the idea of colour, as a result of folklore words diffuziness. These verbal signs transmit information which is connected with conceptualization of the ancient world and society; reflect the ethnic mentality, historical and cultural experience of people. The obtained results are the impulse for the investigation of different colour terms groups which semantics is complicated by folklore symbols and relict ritual beliefs.

Keywords: composite, colour term, semantics, structure, functional, lingvoculturalogical, the folklore language.

КОМПОЗИТИ З КОЛІРНОЮ НОМІНАЦІЄЮ В МОВІ РОСІЙСЬКОГО ФОЛЬКЛОРУ

I. А. Герасименко,
Горлівський інститут іноземних мов,
ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет»,
вул. Рудакова 25, м. Горлівка. Донецька обл. 84624, Україна,
E-mail: iragerasimenko@mail.ru

Стаття присвячена структурно-семантичним та функціональним рисам композитів з колірною номінацією в мові російського фольклору. Аналіз матеріалу свідчить про те, що унаслідок дифузності фольклорного слова композитні кольоропозначення передають не тільки ідею кольору. Ці вербальні знаки транслиують інформацію, яка пов'язана з концептуалізацією давнього світу та соціуму, відображають етнічну ментальність, історичний та культурний досвід народу. Отримані результати є імпульсом для вивчення різних груп кольоропозначень, семантика яких ускладнена фольклорною символікою та реликтовими ритуальними уявленнями.

Ключові слова: композит, кольоропозначення, семантика, структура, функціонування, лінгвокультурний, мова фольклору.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахичба Х. Г. Цветовая метафора в абхазском, немецком и английском языках (сопоставительный анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.10 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Х. Г. Ахичба. – М., 1997. – 19 с.
2. Башарина А. К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах (опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / А. К. Башарина. – М., 2000. – 207 с.
3. Бобунова М. А. Пробная статья. “Рудожёлтый” / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко // Фольклорная лексикография : сб. науч. тр. – Курск : Изд-во КГПУ, 1995. – Вып. 4. – С. 11–12.

4. Бобунова М. А. Словарь языка русского фольклора : лексика былины / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 314 с.
5. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко ; под общ. ред. А. П. Василевича. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
6. Вепрева И. Т. Серый телефон / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина // Рус. яз. за рубежом. – 2006. – № 3. – С. 110–112.
7. Веселовский А. Н. Из истории эпитета // А. Н. Веселовский. Историческая поэтика / вступ. ст. И. К. Горского ; сост., коммент. В. В. Мочалова. – М. : Высш. шк., 1989. – С. 59–75.
8. Григоруц С. И. Концепт цвета в русской и украинской народной паремиологии (аксиологический аспект) / С. И. Григоруц // Слово. Фраза. Текст : сб. науч. ст. к 60-летию проф. М. А. Алексеенко / [редкол. : В. М. Мокниенко (гл. ред.), Х. Вальтер (Германия), К. Иван (Польша) и др.]. – М. : Азбуковник, 2002. – С. 137–144.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 4. – 1982. – 683 с.
10. Злыднева Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века / Н. Б. Злыднева // Признаковое пространство культуры / [отв. ред. С. М. Толстая]. – М. : Индрик, 2002. – С. 424–431.
11. Колесов В. В. Белый / В. В. Колесов // Русская историческая лексикология и лексикография : межвуз. сб., ЛГУ им. А. А. Жданова. – 1983. – Вып. 3. – С. 8–16.
12. Краснянский В. В. Сложные цветообозначения русской речи / В. В. Краснянский // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. ст. памяти В. А. Белошапковой / [сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва]. – М. : Индрик, 2001. – С. 119–130.
13. Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ / отв. ред. А. П. Василевич. – М. : КомКнига, 2007. – 320 с.
14. Никулина Т. Е. Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Т. Е. Никулина. – М., 1989. – 16 с.
15. Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров / И. А. Оссовецкий. – М. : Наука, 1982. – 198 с.
16. Супряга С. В. Устойчивость лексики русской народной лирической песни к иноэтническому влиянию / С. В. Супряга. – Курск : Изд-во Курск. пед. ун-та, 2001. – 226 с.
17. Хроленко А. Т. Лексика русской народной поэзии / А. Т. Хроленко. – Курск, 1976. – 64 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

18. Былины (Киевский цикл) : сборник / [сост., вступ. статья И. Березовского; ил. худож. А. Мезенцева]. – К. : Днепро, 1982. – 254 с.
19. Былины / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. – М. : Сов. Россия, 1988. – 576 с.
20. Легенды. Предания. Бывальщина / [сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Криничной Н. А.]. – М. : Современник, 1989. – 287 с.
21. Малые жанры русского фольклора : хрестоматия : [учеб. пособие для филол. спец. вузов / сост. В. Н. Морохин]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1986. – 399 с.
22. Народная проза / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Азбелева С. Н.]. – М. : Русская книга, 1992. – 608 с.
23. Народный театр / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Некрыловой А. Ф., Савушкиной Н. И.]. – М. : Сов. Россия, 1991. – 544 с.
24. Онежские былины : [в 3-х т.] / [записанные А. Ф. Гильфердингом]. – Изд. 4-е. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. – 1949. – 735 с.; Т. 2. – 1950. – 811 с.; Т. 3. – 1951. – 670 с. (АН СССР ; Ин-т рус. лит-ры).
25. Русская народная поэзия. Эпическая поэзия : сборник / [вступ. статья, предисл. к разделам, подг. текста, коммент. Б. Путилова]. – Л. : Худож. лит., 1984. – 440 с.
26. Русские пословицы и поговорки; под ред. В. Аникина ; предисл. В. Аникина; [сост. Селиванов Ф., Кирдан Б., Аникин В.]. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.
27. Русский фольклор / [сост. и примеч. В. Аникина]. – М. : Худож. лит., 1986. – 367 с.
28. Сказки : [в 3-х кн.]. / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Круглова Ю. Г.]. – М. : Сов. Россия, 1988. – Кн. 1. – 1988. – 544 с.; Кн. 2. – 1989. – 576 с.
29. Частушки / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова]. – М. : Сов. Россия, 1990. – 656 с.

Поступила в редакцию 15 марта 2014 г.